

Аркадий и Борис

СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Предисловие *Василия Владимировского*

Иллюстрация на обложке *Алены Смолиной*

Стругацкий, Аркадий Натанович.

С87 Обитаемый остров : [роман] / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Стругацкие (Яндекс)).

ISBN 978-5-17-188997-5

В 2114 году человечество создает новую космическую группу — Группу Свободного Поиска. Теперь любой человек, получив космический корабль и зарегистрировав маршрут, может отправиться в открытый космос. Тысячи людей устремляются к звездам... Романтический порыв неудержим, но страшные и жестокие испытания ожидают молодых волонтеров ГСП. И человечеству не раз придется столкнуться с последствиями эпохи бурного покорения космоса...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий, наследники, 2026
© ООО Яндекс Книги, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Василий Владимировский
«БЕЗДУМНЫЙ, БЕЗМОЗГЛЫЙ,
БЕЗЗУБЫЙ РАЗВЛЕЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН»

*Василий Владимировский — книжный обозреватель, исследователь истории фантастики, ведет телеграм-канал *speculative_fiction*. Лауреат премии для критиков «Неистовый Виссарион». Автор книг о фантастике «Драконы и звездолеты», «Сопряженные миры», «Картографы рая и ада», составитель книги «Мир без Стругацких» и других антологий.*

Для начала два самых известных факта о повести «Обитаемый остров» (сокращенно ОО) — что называется, задокументированных, запрототолированных и подтвержденных источниками.

Во-первых, «Остров» задумывался в 1967 году, после того, как все журнальные и книжные редакции дружно отвергли повести братьев Стругацких «Сказка о Тройке» и «Гадкие лебеди», — и должен был стать легкой, беспроблемной, чисто приключенческой вещью, абсолютно невинной с точки зрения самого въедливого цензора, поднаторевшего в поиске скрытых аллюзий, отсылок и прочих фиг в кармане. В «Комментариях к пройденному» Борис Натанович вспоминает этот этап

работы так: *«Очень хорошо помню, как, обескураженные и злые, мы говорили друг другу: „Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлекенческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е...чика, комсомольца XXII века...“ Смешные ребята, мы словно собирались наказать кого-то из власть имущих за отказ от предлагаемых нами серьезностей и проблем. Наказать тов. Фарфуркиса легкомысленным романом! Забавно. Забавно и немножко стыдно сейчас это вспоминать».*

Факт номер два: из всех произведений братьев Стругацких «Обитаемый остров» пережил больше всего цензурных правок. При подготовке «канонического» издания, которое аккуратно переиздается с 1993 года, Юрий Флейшман из исследовательской группы «Людены» насчитал без малого восемь сотен отличий от авторской рукописи. Стилистическую, смысловую, идеологическую правку в ОО вносили на всех этапах и на разных уровнях: для журнального издания, для книжного издания, при визировании гранок в Главлите и так далее. Некоторые правки откатить обратно в 1990-х было уже невозможно: например, русские Максим Ростиславский и Павел Григорьевич (Странник) навечно превратились в немцев Максима Каммерера и Рудольфа Сикорски.

Критик и редактор Самуил Лурье рассказывал, как работал с рукописью «Обитаемого острова», когда редактировал ее для публикации в ленинградском литературном журнале «Нева»: *«Я ее топтал... Ногами, в ботинках. Приехал к Борису Натановичу на улицу Победы. Разложил на полу листы машинописи, надел ботинки и потоптал листы. Потом снял ботинки... Помял листы и приступил к работе. Я густо зачеркивал одно слово, ставил на полях корректорский значок, писал синоним; если лень было подбирать синоним, писал то же самое слово.*

Густо зачеркивал абзац, на полях ставил красным вопросительный знак или писал...».

Это, конечно, легенда, байка, художественный вымысел, имеющий с реальностью мало общего. На самом деле все было гораздо печальнее: работа шла долго, нудно, кропотливо, в несколько приемов — и без всяких героических эскапад. В письме брату от 1 октября 1968 года Борис Стругацкий описывал один из эпизодов: *«Вчера был у меня Саша [Самуил] Лурье. Мы с ним проглядели рукопись ОО, учли кое-какие заметки на полях, кое-какие не учли, оставив впредь до выяснения, и я вручил ему рукопись. Он настроен мрачно. Попов уходит в отпуск, вместо него остается Некрасов, а это означает, что все начнется сначала. Некрасов прочтет рукопись, заявит, что это плевок в лицо советской власти, и потребует бредовых корректур».* А уже 21 ноября Борис Натанович с приятным удивлением делился с братом итогами встречи с заместителем главного редактора «Невы»: *«Некрасов прочел ОО и, противу всяких ожиданий, не сделал никаких существенных замечаний. Масса идиотской стилистической правки, свидетельствующей о малограмотности, и — всё. Саша [Лурье] обалдел от удивления. Я тоже. Потом я побеседовал с Некрасовым, еще раз поразился его тупости и косноязычию, и на том все кончилось».*

Тем не менее рукопись пострадала капитально: по количеству (и, как справедливо сказано выше, идиотизму) цензурных придирок с «Обитаемым островом» сравнится только повесть «Пикник на обочине», версия, изданная в авторском сборнике Стругацких «Неназначенные встречи» в 1980-м. Хотя, казалось бы, ничто не предвещало такого поворота: начав работу без особого энтузиазма, соавторы быстро увлеклись историей нестандартной робинзонады и через полтора рабочих месяца у них на руках уже был законченный чистовик (тут стоит напомнить, что в первом книжном издании 1971 года ОО занимал 320 страниц). Несмотря на все очевидные под-

тексты, повесть все еще казалась соавторам достаточно «беззубой, развлеченческой» и вполне «проходимой» в советском издательстве — впрочем, во второй половине 1960-х Стругацким хватало простодушия, чтобы, не опасаясь последствий, предлагать в «Юность» и ту же «Неву» рукопись «Гадких лебедей».

История, что и говорить, поучительная. Тут можно было бы сказать много общих слов о том, что целеполагание автора — далеко не главное: если вокруг что-то идет не так, если в мире сгущается какая-то очевидная неблагополучность, у наблюдательного и честного с собой писателя крамола получается рефлекторно, независимо от его, писателя, планов. Как в том анекдоте про рабочего, который пытается собрать изделие из деталей, украденных с фабрики по производству промтоваров, а получается, как ни крути, АК-47. Но все эти слова давно сказаны и без меня — тем более что примеров такого рода в истории советской литературы XX века не счесть, от Андрея Платонова и Михаила Зощенко до Василия Аксенова и от Евгения Шварца и Михаила Булгакова до Василя Быкова.

Но если бы это было единственным, чем привлекает повесть Стругацких, такой разговор не стоило бы даже начинать.

Несмотря на все цензурные купюры, «легкомысленный» авантюрно-приключенческий «Обитаемый остров» стал одной из главных советских дистопий, «нашим ответом Джорджу Оруэллу» — по крайней мере, среди книг, официально допущенных в печать. Не утратив при этом, что немаловажно, увлекательности и внутренней динамики. В то же время мощный антитоталитарный месседж Стругацких загородил другой конфликт, в силу своей универсальности, пожалуй, не менее важный. Здесь трудно обойтись совсем без спойлеров, но все-таки попробую — на случай, если кто-то из читателей еще не знаком с ОО.

Теплый, светлый, гуманный Мир Полдня, мир светлого будущего, из которого родом юный коммунар Максим Каммерер, — возможно, главный вклад братьев Стругацких в копилку позднесоветской фантастики. Образ бесконечно живой и бесконечно притягательный, в отличие от других утопий, напоминающих скорее холодные математические абстракции. При этом сюжеты повестей «Полуденного цикла» часто связаны с выбором «между двух зол», между альтернативами, ни одну из которых при всем желании не назовешь гуманной. Кого или что спасти на единственном звездолете с планеты-полигона Радуги, которую вот-вот накроет смертоносная Волна, выбирают нуль-физики в повести «Далекая Радуга». Нарушить прямой запрет, вмешаться в естественное течение инопланетной истории и своими руками передуть злодеев или оставить все как есть и дожидаться государственного переворота, сопровождающегося кровавой резней, решает земной наблюдатель Антон-Румата в средневековом Арканаре из повести «Трудно быть богом». Любой ценой остановить предполагаемого агента сверхцивилизации Странников или поставить под удар все человечество решает на страницах «Жука в муравейнике» постаревший Рудольф Сикорски. Иногда (на самом деле довольно часто) герои Стругацких принимают неверные решения и даже признают свои ошибки — правда, обычно слишком поздно. Как, например, наблюдатели Института экспериментальной истории в «Трудно быть богом»: *«Тебе надо было убрать дона Рэбу... Убить! Похитить! Сместить! Заточить! Надо было действовать. Не советоваться с двумя дураками, которые ни черта не понимали в том, что происходит».*

Это сочетание гуманного мира и беспощадного выбора создает сильный драматический эффект, мощный перепад потенциалов, забрасывает читателя на эмоциональные качели. Но только в «Обитаемом острове» братья Стругацкие в деталях показывают, какой ценой та-

кой выбор дается герою, как приходит к решению самый обычный гражданин Мира Полудня. Не прогрессор, прошедший специальный курс подготовки и психологическое кондиционирование, не наблюдатель, прекрасно разбирающийся в материальной культуре Средневековья и теории исторических последовательностей, даже не случайный турист, ненадолго залетевший на чужую планету и наблюдающий жизнь этого мира со стороны. Обычный «человек будущего» двадцати лет от роду, вчерашний подросток, неглупый, но простодушный и не слишком образованный, человек, который в силу обстоятельств принял этот мир как свой.

«Обитаемый остров» — история взросления Максима Каммерера в условиях, далеких от идеальных. История потери невинности. История героя, учащегося принимать ответственность за решения, результатом которых в любом случае станут реки крови, в том числе крови людей, непричастных к преступлениям. Разумеется, решения не «самые добрые» — такой опции Каммереру планета Саракш просто не предлагает.

Пожалуй, ключевой эпизод повести — это диалог Максима с мутантом Колдуном, живым воплощением холодного рационального рассудка, разума, отточенного до бритвенной остроты, но не отягощенного грузом эмоций — и понимающего юного землянина куда лучше, чем тот понимает себя сам. Колдун напоминает Наставников из «Града обреченного»: так же бесцеремонно лезет в голову собеседнику, так же дает советы без запроса — только говорит не утешительные глупости, а вещи болезненные, шокирующие, на первый взгляд даже оскорбительные. Например, рассуждает о том, что в ситуации неоднозначного этического выбора даже самому искреннему гуманисту неизбежно придется договариваться со своей совестью, успокаивать ее старым добрым заговором: «Цель оправдывает средства, лес рубят — щепки летят».

Тем больший восторг и зависть вызывает Мир Полудня, в котором подавляющее большинство ограждено от необходимости хотя бы раз в жизни (непомерно долгой) принимать экстремальные решения, делать выбор в духе небезызвестного «парадокса вагонетки». Видимо, самих Стругацких тоже занимал вопрос, как именно человечеству утопического будущего удалось сохранить эту очаровательную невинность, избежать вызовов большого страшного мира, где что ни обитаемая планета — непременно Гиганда, Саула, Саракш или вовсе Пандора. Некоторые намеки на ответ можно обнаружить в материалах к повести «Белый Ферзь» (она же «Операция „Вирус“»), задуманной Стругацкими в 1984 году, где все тот же Максим Каммерер становится первым земным прогрессором, сумевшим разобраться в замысловатом социальном устройстве Островной Империи. В 1996 году в предисловии к антологии «Время учеников» Борис Натанович вспоминал: *«В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир.*

Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира — все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды — гной, шлаки, фекалии социума. Тут было ИХ царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетиливалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими же, как мы с вами, — чуть похуже, чуть получше, еще далеко не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. „Полдень, XXII век“. Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято сле-

дующими всем заповедям самой высокой нравственности».

Аналогия, в общем, очевидная — неудивительно, что Каммерер, переживший шок от своего открытия, почти не говорит об этом героическом эпизоде ни в «Жуке в муравейнике», ни в повести «Волны гасят ветер». Впрочем, в итоге «Белый Ферзь» написан не был — ни самими Стругацкими, ни их учеником Николаем Ютановым, которому Борис Натанович передал все наработки и черновики.

Возможно, это и к лучшему: не всё и не всегда автору следует проговаривать открытым текстом, порой стоит оставить простор и для читательской фантазии. И братья Стругацкие понимали это как никто другой.

Часть первая

РОБИНЗОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел в небо. Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь эта, несомненно, опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно фосфоресцировала. Максим искал в зените дыру, пробитую кораблем, но дыры там не было — там расплывались только две большие черные кляксы, словно капли туши в воде. Максим распахнул люк настежь и соскочил в высокую сухую траву.

Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс, неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны, все было серое, пыльное, плоское. Корабль стоял на дне огромной котловины с пологими склонами; местность вокруг заметно поднималась к размытому неясному горизонту, и это было странно, потому что где-то рядом текла река,

большая и спокойная, текла на запад, вверх по склону котловины.

Максим обошел корабль, ведя ладонью по холодно-му, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы ударов там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина под индикаторным кольцом — это когда корабль внезапно подбросило и завалило набок, так что киберпилот обиделся и Максиму пришлось спешно перехватить управление, и зазубрина возле правого зрачка — это десять секунд спустя, когда корабль положило на нос и он окривел. Максим снова посмотрел в зенит. Черные кляксы были теперь еле видны. Метеоритная атака в стратосфере, вероятность — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется...

Максим просунулся в кабину, переключил управление на авторемонт, задействовал экспресс-лабораторию и направился к реке. Приключение, конечно, но все равно — рутина. Скука. У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела.

Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты. С зудящим звоном налетела туча какой-то мошкары, потолклась перед лицом и отстала. Взрослые солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои взрослые солидные дела, и они знают, что все эти чужие планеты в сущности своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны... Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь, если ты не научился еще ценить свое главное достояние — время, если у тебя нет и не предвидится каких-либо особенных талантов, если доминантой твоего существа в двадцать лет, как и десять лет на-

зад, остается не голова, а руки да ноги, если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле, если, если, если... то тогда — конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе. Открывай планету, называй ее собственным именем, определяй физические характеристики, сражайся с чудовищами, буде таковые найдутся, вступай в контакты, буде найдется с кем, робинзонь помаленьку, буде никого не обнаружишь... И не то чтобы все это напрасно. Тебя поблагодарят, тебе скажут, что ты внес посильный вклад, тебя вызовет для подробного разговора какой-нибудь видный специалист... Школьники, особенно отстающие и непременно младших классов, будут взирать на тебя с почтительностью, но Учитель при встрече спросит только: «Ты все еще в ГСП?» — и переведет разговор на другую тему, и лицо у него будет виноватым и печальным, потому что ответственность за то, что ты все еще в ГСП, он берет на себя, а отец скажет: «Гм...» — и неуверенно предложит тебе место лаборанта; а мама скажет: «Максик, но ведь ты неплохо рисовал в детстве...»; а Олег скажет: «Сколько можно? Хватит сражаться...»; а Дженни скажет: «Познакомься, это мой муж». И все будут правы, все, кроме тебя. И ты вернешься в Управление ГСП и, стараясь не глядеть на двух таких же остолопов, роющихся в каталогах у соседнего стеллажа, возьмешь очередной том, откроешь наугад страницу и ткнешь пальцем...

Прежде чем спуститься по обрыву к реке, Максим оглянулся. Позади топорщилась, распрямляясь, примятая им трава, чернели на фоне неба корявые деревья, и светился маленький кружок раскрытого люка. Все было очень привычно. Ну и ладно, сказал он себе. Ну и пусть... Хорошо бы найти цивилизацию — мощную, древнюю, мудрую. И человеческую... Он спустился к воде.